

Колька проснулся оттого, что бабушка слегка тормошила его за плечо: «Вставай, рыбачок, вставай... Сам же просил поднять. Иль передумал рыбалить-то?»

— Нет... Встаю,— промямлил внук в полудреме, выползая из-под одеяла.

Мысль о предстоящей рыбалке сразу добудила. Рыбалка для городского двенадцатилетнего Кольки — самое милое занятие на летних каникулах. Ловил рыбу он по-всякому и повсюду в округе. Но больше всего по душе было удить на простенькую поплавочную удочку тут же, рядом с дедушкиным и бабушкиным деревенским домом, стоявшим шагах в тридцати от реки. Это не требовало долгих сборов: взял снасть, баночку с червями, припасенную с вечера, пару кусков свежего хлеба (один для наживки, другой — если вдруг захочется перекусить), на лодку и напрямик к противоположному камышовому берегу. Долго клева нет, вытянул якорек, один момент и дома — река тут шириной всего метров пятьдесят. Опять же, придут пацаны куда-либо звать,—

так вот он Колька, в пределах видимости и слышимости. При заманчивом предложении рыбалку можно свернуть. Особенное удовольствие доставлял выход рано утром в безветренную погоду, когда поплавок выдает даже слабый рыбий интерес к приманке. Никого... Тишина... Изредка только прострекочет за спиной в траве бойкий кузнечик да тиутикнет степная птаха, присевшая где-то поблизости... Случится, засомневается Колька спросонья — идти или не идти, глянет в окно, увидит спящую покойно реку с застывшей зеркальной поверхностью, под которой, конечно, снуют в поисках пищи голодные рыбы стаи, и принимается собираться.

Сегодня как раз с клевом повезло: уже через час после того, как Колька загнал лодку в камыши и сделал первый заброс, в ведерке толклись с десятков небольших подлещиков, плотвичек, четыре приличных окуня — приятно поблескивали чешуей. Следующий час удвоил улов. Колька уже перекусил, с аппетитом умяв три прихваченных пирожка с картошкой. Опять повезло: бабушка вчера пекла. Теперь хватит надолго. Еще можно с часок половить, раз рыба идет, хоть и волна легкая по реке побежала. Солнце быстро поднималось, нагнало тепло. Зачастили трактора и автомашины по железобетонному мосту, что возвышался метрах в трехстах вверх по течению.

Наблюдавшему за поплавком Кольке показалось вдруг, будто с моста что-то упало. Он взгляделся в мост и заметил на нем несколько мальчишек: не узнать только кто — далековато. Находились они у одного из деревянных щитов, выставленных вдоль мостовых перил. Месяц назад соседний совхоз прогонял по мосту большую отару овец на новую ферму. Его люди и приладили дополнительное ограждение из второсортных досок, зная, что не одна овца запросто может свалиться в воду через старые, небезопасные перила. Установили да, наверное, забыли или просто махнули рукой на свою неказистую древесину. И ребятня недели две уже как облизывалась на те щиты: кто-то подал идею покидать их в реку, соединить в большой плот и использовать такой деревянный остров для игры в догонялки. Размеры, кстати, каждый щит имел солидные: в высоту полтора метра и в длину метра три — три с половиной.

Пацаны на мосту завозились у щита, стали переворачивать его через перила и «оп»: он ухнул в реку! «Ясно,— подумал Колька,— это уже второй». Меж тем щиты один за другим слетали вниз. Точно — операция «Плот» началась. Теперь Колька, забывший про поплавок, увидел лодку: она только что отчалила от берега близ моста и двигалась к сброшенным щитам. Один из двух пацанов, что вели ее, встал, оставив весло, призывно махнул Кольке рукой и крикнул:

— Коля-я-я-н, айда плот делать!

— Жорка! — узнал рыбак своего приятеля.

Не раздумывая, мигом собрал удочку, вернулся к дому, отволок ведерко с рыбой на кухню, захватил кусок проволоки и отправился на лодке помогать отлавливать щиты и буксировать их к берегу. В предвкушении новой шалости, старой игры в неизведанном варианте нутро Колькино восторженно вибрировало.

Василь, плотницкий сын, прикатил на одноколесной тележке ворох деревянных обрезков, банку длинных гвоздей и несколько молотков, и всей ватагой взялись крепить и колотить. Совсем скоро гигантский, где-то девять на десять метров, плот был готов. Тут же вплавь вытолкали его на середину реки, зафиксировали якорем — тяжелым булыжником, поныряли немного на пробу и стали играть в те самые догонялки: и по плоту, и в воде вокруг него. Топот, дикие крики, визг, хохот понеслись над рекой.

Увернувшись опять от догонялы, Колька поднырнул под угол плота, чтобы вылезти там, где не ждут. Но, выплывая, уткнулся головой в доску. «Промахнулся», — подумал он, оттолкнулся от воды ногами, сделал два-три энергичных гребка руками — и опять уперся в дно плота. Теперь он открыл глаза, крутнулся, но в непрозрачной воде трудно было разобрать, где ближний край плота. Воздух в легких стремительно иссякал, возникшее чуть раньше беспокойство переросло мгновенно в ужас и панику. Колька рванулся из последних сил назад и наверх, по ходу осознав свою ошибку: надо было плыть в ту же сторону, в какую начал, а так выходит, что он мечется туда-сюда... И снова плот не выпустил, а любимая река все крепче обхватывала, тянула вниз, не желая упускать законную добычу. Колька задыхался, устал противиться, смирился. Не выдержав, глотнул воды и ясно представил, как она, мутноватая, заполняет его всего. Невыносимая эта картина передернула: судорожно заработали руки, ноги — он сделал еще один рывок, и теперь голова его показалась на поверхности воды, сантиметрах в десяти от кромки плота. Рот хватнул немного жизни. Не выдохнув толком, Колька сразу же вдохнул еще — до отказа, так, что кольнуло в груди.

— Вот он, — раздался радостный вскрик Жорки, и несколько пар рук быстро ухватили обессилевшего Кольку за плечи, локти, втащили на плот.

— Ты даешь, блин, — восхищенно протянул бледный Жорка, обглядывая приятеля. — А мы только хватились, думали, ты буль-буль... Тут метров восемь глубина — фиг донырнешь... Че молчишь-то, язык проглотил, что ль, со страху?

— Да погоди, дай подышать, — дрожащим голосом прошептал Колька, лежавший отрешенно на спине.

Он приходил в себя, смотрел вокруг: «Солнце! Небо! Облака! Пацаны!»